

ГАВРИЛО

№ 20. Октябрь, 1925 г. Издание газеты „Пролетарий“—орган ВУСПС. Адрес редакции: Пушкинская, 31.

ПО СУЩЕСТВУ ВОПРОСА.

На *пилонасекальном заводе (Луганск) участились прогулы рабочих. Некоторые не выходят на работу по 5 дней подряд. Особенно, после получки. (Коммунист).

— Мне бы, Сидор Макарыч, премию, — как мой станок ни одного процента браку за весь месяц не дал!....
 — Как так?
 — А он у меня 30 дней в прогуле стоял.

Центральная Научная

НЕТУДЫКИН:— Гулять, так гулять, лишь бы с деловым видом!..

Загадочное отношение.

В то время как некоторые учреждения уже перешли на украинский язык, другие — к вопросу об украинизации относятся очень небрежно.

Регистраторша с недоумением повертела в руках бумагу и подошла к секретарю.

— Как записать это отношение?

— Вы что, с Марса свалились, что-ли?—удивился секретарь.—Запишите от кого, какого числа, содержание.

— В том то и дело, что я не разберу даже от кого.

— Разве неясно написано?

— Очень неясно. Да вот прочтите сами.

Секретарь взял бумагу и поморщился.

— В самом деле. „Споживче товариство... пятого жовтня“... гм, да... это, кажется, по украински. „Згідно запитання райвиконкома, негайно прохаємо“...

Чорт его знает, что здесь нацарапано. А пока что, отметьте в журнале номер: 432.

— Хорошо еще что номер по... ски,—обрадовалась регистраторша.

— М-да,—промямлил секретарь, речитывая бумагу. — Ребус какой-то. „Згідно запитання... негайно...“ А в чем, чорт с ним, направлю в общий отдел.

Зав. общим отделом долго разглядывал принесенную ему бумагу и для чего-то переворачивал ее вверх ногами и смотрел на свет; затем вздохнул, взял карандаш и написал:

„Заведывающему заготовотделом распоряжение“.

— Пусть разбирается!

Зав. заготовочным отделом сначала беспомощно пожал плечами, потом как-то улыбнулся и черкнул:

„В общий отдел. Исполнить.“

— Ишь, дьявол!—подумал зав. общим отделом, высморкался и написал:

„Подотдел такой-то. Дать сообщения“.

Зав. такого-то подотдела полез к столу за словарем, но вспомнив, что зашел в его дома, махнул рукой и вывел:

„Тов. Бацкину. Справку!“

Бацкин был тоже не из глупых и тотчас написал:

„Секретарю. Исполнить.“

— Вот так клюква!—подумал секретарь, получая обратно это загадочное отношение,—как же теперь быть? Дам исполнить деловоду. Пусть разбирается.

Деловод долго скреб в затылке и думал:

— „Если сказать, что я ни черта не понимаю, еще под увольнение подведу. Тем более, что в анкете, в графе „национальность“, я указал: „украинец с 1900 года“. Впрочем...“

Он перечитал резолюцию и вдруг, догадавшись в чем дело, улыбнулся на свой страх и риск!—написал.

„На В| отношение за № 432 сообщаем, что просимых сведений мы не имеем.“

Зав. учреждением, зав. отделом, подотделом, старший инструктор, секретарь.“

И каждый, из подписывающих эту бумагу, думал:

„Ну, слава те, господи! Хотя я и разобрался. А еще говорят, что мы ботируем украинизацию“.

Сергей Чмелев.

ДВА ТРАКТОРА.

Недостатки нашего „Запорожца“ — тяжелый вес и небольшая скорость. Недостатки „Фордзона“ — слабые подшипники, чугунные клапаны, отсутствие рессор и освещения.

(Из газет).

Два трактора (уж бывшие в работе)
Зело расширивши крестьянский горизонт,
Не по своей охоте
Попали на завод в ремонт.
— „Еще 6 полгодика, а там чини раз нужно“,
Сказал тут „Запорожец“. — Что за спех?
Ведь мы ж работали, как следует, и дружно,
На нас пожаловаться — грех!
Пахать ли, молотить,
Косить, возить, — везде мы.
На нас теперь огромный спрос.
Поклонникам прадедовской системы
Утерли мы, брат, нос.
Но раз ремонт, искать нам тут греха ли?
Уж пусть. Нам отдохнуть — резон.
— „Работали? — сказал ты. Мы пахали“...
Ему в ответ с усмешкою „Фордзон“.
— „Вот мы, так да! Все силы без остатка

Работе отдали, и более того:
Ты был один, а наших три десятка.
И много ль пользы от тебя от одного?
Молчал бы ты! Едва ль тебе приснится,
Какие делали нас светлые умы.
Нас поставляет за граница.
Одним количеством тебя задавим мы...
Услышал это мастер ненароком
И говорит: — Заморский гость, постой,
Хоть сделан ты в краю далеком,
Но разговор-то твой пустой.
У нас количеством дивить людей не гоже,
Берем мы качеством пока одним.
А пара лет пройдет и качество мы тоже
С количеством в одно соединим.
Охоту к своему большую мы имеем,
Настроим тракторов — тогда уж, брат, катись!
Мы без тебя уж как-нибудь сумеем
В работе обойтись.
Вот трактор наш — его ковала
Рабочая братва мозолистой рукой.
Хоть он и наш, а в нем ремонту мало,
А ты заморский да ремонт в тебе какой!!

Н. Хмурый.

Тоже „демократия“.

Алкогольные фабр- частушки.

Шел домой я горделиво,
Прибыл пьяный, как свинья...
Эх ты, пиво мое, пиво!
Эх, получка ты моя!

Если выбил зуб у милки, —
Хулиганом не зови:
Сорок градусов в бутылке —
Значит, сорок и в крови.

С производством не подгадим.
За прогулы пусть костят.
А мы все таки наладим...
Самогонный аппарат.

Самогон есть, пиво, водка.
Но узнай-ка — что вредней!
И культковцы пьют кротко:
Нужен опыт, хоть убей!

Если пьют где без просвета —
Не в наследственности суть:
Просто там без Культпросвета
Среди нэп'а держат путь.

Тянут спирт в мороз трескучий:
„За здоровье“, за „капут“...
Чорт возьми, да есть ли случай,
По которому не пьют?!

ШИП.

— Почему, вы, Нина Петровна, за Иванова голосовали? Он ведь убежденный коммунист!

— Ах, но у него чудесные глаза...

Раб кредита.

По рабкредиту в ЦРК необходимые ткани трудно достать—нужно брать, что попало.

(Из газет).

— Я просил на пальто, а вы мне даете ситец!

— Верх—пустячек, на частном рынке достанете. А это за подкладку будет.

Хождение по мукам.

В учреждениях Константиновки чрезвычайно процветает волокита, особенно в страхкассе.

(Из жалоб рабочих).

Секретарь завода Волюпок, после разных комиссий и долгих хождений по завкомам услышал из уст предзавкома:

— Сегодня едешь в Святогорск (есть у нас еще такое поганое слово).

Пришел в завком. Отсюда с отношением в страхкассе. До страхкасы полторы версты. Из страхкасы в поликлинику—тоже полторы версты. Из поликлиники в страхкассе. Из страхкасы за полторы версты в главную контору. Из главной конторы, за полторы версты в зеркальную контору. Из заводской конторы в завком. Из завкома в страхкассе, завком, главную контору, заводскую контору, страхкассе, завком, главную контору, поликлинику, страхкассе...

В общем Волюпок сделал за день 45 концов полторы версты, когда шел до то кололо у правом боку, замертво свалился калитки своей торы. А когда пуганная жена нимала его, он мотал:

— Наконец-то теперь отдохну...

В Святогорск ехал с диагнозом неврастения...

Поправился 5 фунтов.

Из Святогорска он ехал на какого-то шаттле в вагоне, полном горячего дыма, когда приехал в Стантинтовку, 5 фунтов, как не вало...

Но это все ерунда—трагедия, только начинается. Страхкасса ему при езде в дом отдыха уплатила денег.

— После получишь, когда приедешь. На другой день, после приезда, Волюпок пошел в страхкассе за деньгами. Так ему сказали:

— Вам, товарищ, нужно на трольно-врачебную комиссию.

На комиссии врач, выслушав, дал страшное лицо:

— У вас порок сердца, верху легких, неврастения...

— Да как же... у меня не было...

— Вам нужно бросить секретарство и заняться легким физическим трудом. А самое главное не волноваться... самое главное не волноваться... Можете идти. Следующий!..

— А как же насчет денег?..

— Завтра... тут у врача возьмите больничный листок,—объяснил зампре страхкасы...

На завтра Волюпок пришел... Секретарь комиссии с сожалением покачал головой:

— У нас только до 12 дня работают... вы на 5 минут опоздали... Придите завтра...

— Помилуйте... ведь я же со служ-
бы... с зеркального 2 версты тащился...
и жрать нечего!!!

— Ничего не могу сделать...

На завтра Волыпок не нашел этого
секретаря и когда шел домой, то чув-
ствовал, что к сердцу подкатывает
что-то тяжелое... Придя домой, кричал и
бесновался...

В понедельник, по дороге в поли-
клинику, Волыпок гадал.

— Перейдет эта баба дорогу с по-
рожными ведрами или не перейдет?..

Не перешла—значит, будет удача...
получит...

Зайдя в поликлинику, застал се-
кретаря.

— Ну как? Кажется не опоздал...
сегодня вероятно я
получу денежки?..

— Какие? Я что-
то не помню,—зев-
нул во весь рот се-
кретарь...

Наконец вспом-
нил и повел к врачу.
Тот сказал:

— Посидите в
очереди...

Наконец дошла и
очередь...

— Что вам соб-
ственно нужно? —
спросил врач. Волы-
пок рассказал.

— А справка есть
у вас?

— Какая?—начал
от злобы задышаться
Волыпок.

— От комиссии...
Волыпок шел до-
мой с таким видом,
что прохожие с ис-
пугу шарахались от
него в сторону, и ру-
гал все не свете:
и страхкассу, и вра-
чей, и комиссию, и
советскую воло-
киту...

В среду он бе-
гал по бухгалтериям
заводов, по завко-
мам, по страхкассам,
по поликлиникам,
по... да мало ли где
он ни бегал с пе-
ной у рта, грозя ко-

му-то в пространство кулаками и часто
хватаясь за левую сторону груди...

А в четверг, когда (через месяц) его
безжизненного подняли около страх-
кассы и привезли в поликлинику (не
миновал таки ее и после смерти), врач,
который осматривал его еще на комис-
сии, освидетельствовав труп (даже, по
привычке, выслушал трубкой и посту-
чал пальцем и чуть не сказал: высуньте
язык), печально вздохнул:

— Разрыв сердца... Ну и народец
же у нас... говорил же ему не волно-
ваться... Да-а, самое главное—не волно-
ваться, самое главное не волноваться...

Примечание. К сожалению детали фелье-
тона, почти все правильны.

Ровно.

Перепутаница.

Приехавшему из Ек-ава по командировке в ростовский ж. д. техникум, т. Белоусу, разъяснили в техникуме, что командировка дана не в Ростов н/Д, а в Ростов Ярославский. Белоус, вернувшись в Ек-ав, где узнал, что командировка все таки дана в Ростов н/Д. Но когда он снова приехал к месту командировки—место его занял другой.

(Из газет)

— У вас, юноша, не указано в командировке, что при вас
будет эмалированный чайник!.. Поезжайте домой, чтоб доба-
вили. Наука требует порядка!..

Мудрое постановление.

Дорогой читатель! Встречалось ли вам на вашем жизненном пути словечко „ВУСОР“? И знаете ли вы его значение? А если вы не знаете, мы вам разъясним. А там, как знаете: можете его запомнить или добросовестно забыть. Неважно это. „ВУСОР“—это всеукраинский союз охотников и рыболовов.

Понятно?

Вот об одном члене этого союза и будет речь.

Допустим, что фамилия его—Коржевский. Допустим, что он охотник... Тут

уместно спросить: до чего охотник? Торопитесь, узнаете.

Какого этот, допустим—Коржевский роста, полный или худой, брюнет или блондин, есть ли особые приметы, стоял ли или состоит под судом,—знаем, не поступало об этом сведений. Но что он парень, как говорится, „с цем“,—в этом убедиться не трудно.

Задумался однажды этот, допустим Коржевский.

— Член я или не член своего союза? А ежели член, то имею я или не имею право свое суждение иметь и по профессиональной линии поохотиться? Охотник я

СКВЕРНАЯ ДЕТАЛЬ.

И пришел он в союз. Действительно не спорим, оказывается он охотником... скандалов. Дело к стати попало.

Видит он стоит у окна (а, может, и у окна, а у стоящая служащая союз. Стоит, и хоть бы нуль внимания, презрения. И на члена „ВУСОР“ Заело его дело.

— Погоди,—сказал он про себя.—Я тебе покажу. Мне тебе от совета „ВУСОР“ попадет. Заявлю я куда надо и получишь ты, надо. Последнее слово за мной.

Сдержал Коржевский слово на счет последнего слова. Обложил служащую последними словами.

Заплакала она. За что обругал. Слезами горю не можешь. Подала жалобу в совет „ВУСОР“.

Долго ли, коротко ли, собрался совет. Углубились члены его в жалобу, обдумали ее всесторонне, взвесили—что ли не на весах—данные, а затем разгладив—кто роду, кто усы, а

— Слушайте, почему вас не выбрали? Сколько вы получили голосов?

— Голосов я не считал, а вот рук—не было ни одной.

просто погладив себя по бритым щекам,—постановили:

„Выразить товарищу Коржевскому недоумение“.

Ну, и выразили. А как это технически они проделали, нам неизвестно. Секрет изобретателя. Патент, если еще не заявлен, то должен быть заявлен... в нарсуде.

Вот и все. Это, читатель, фельетон, а вот факты из газеты „Красное Запо-рожье“ № 234.

Член „ВУСОР“ Коржевский, явившись в помеще-ние союза, ни за что, ни про что обругал слушающую союза Мерман последними словами. Совет „ВУСОР“ обсудил жалобу Мерман и решил: „Выразить тов. Коржевскому недоумение“ (!?)

И если после всего вы, читатель, скажете, что количество совдураков на конкурсе того же имени — исчерпано, мы выразим вам свое недоумение.

Помпилий.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

На запрос одного жилкоопы: „может ли быть членом жилкоопы муж, состоящий на иждивении жены“ — Харьковский жилсоюз ответил: „Может, но если он занимается домашним хозяйством“.

(„Вечернее Радио“).

На такое положение мало охотников. Одни тебе неприпятности и заботы: Шутка-ли, — третий месяц товарищ Плотников, Ходит без работы. Каждому рабочему без работы — туго. Но у товарища Плотникова и того хуже: В довершение несчастий его супруга Таксировщицей на одном заводе служит. Жилкооп на Плотникова хмуρο косится. Сам пред и секретарь в большом смятении, Ибо товарищ Плотников в домкнигу вносится, Как „состоящий у жены на иждивении“. Запросили жилсоюз срочно. Жилсоюз ответил „Безобразие!“ Преджилкоопы выругался сочно И решил: — Выселяю, как буржуазию. Товарищ Плотников близок к обалдению. — Что предпримешь к такому моменту. Очень просто: пред'явят иск к выселению. Как „нетрудовому элементу“. Жена — в слезы, без мужа все ж несподручно: Выселят и поминай как звали... Секретарь выслушал равнодушно. Но все-таки помог печали: — „Хоть квартир не даем в наследственность Но коль тебе, Петровна, неймется, — Возлагаю на тебя всю ответственность: Пушай домашним хозяйством займется“. С души точно сбросили камень груду. Правда, кулинару из него не ахтиительный. Но вымыть там пол или, скажем, посуду. Совсем даже не обременительно. И переписался товарищ Плотников. По милости жилсоюзных всезнаек. Из союза коммунальных работников В Союз... домашних хозяек.

ЯМБОВ.

ПОД КЕМ ХОДИМ?

Тарифно-нормировочное Бюро Луганского завода „Октябрьской Революции“ почти не принимает участия в составлении норм. Бывают случаи, когда одна и та же работа в разное время тарифицируется по разному.

(„Пролетарий“).

— Сколько ты заработал за неделю?...

— А кто его знает! Может, Ванька скупой будет размечать...

ЖИЛКООПОВСКОЕ.

НЕ ПОНЯЛ.

— Вы говорили, что к вам приехал брат, а это непач какой то?!

— Вы меня не поняли, я думал — брат по идее...

ЖИТЕЙСКАЯ ПРОЗА.

— Слушайте, зачем вы купили эту печку?

— А у нас в доме ведь центральное отопление, которое зимой всегда ремонтируется!...

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

— Чего забрались на 9-й этаж?

— Мне сказали, что Лопань в будущем году будут расширять. И так из за грязи ходить по городу нельзя.

Две стороны медали.

В городе по рабкредиту. (см. рис. на след. стр.)

Неудачный дебют.

Когда Федя Тузиков, смазчик механического цеха, вошел в фабричную столовую, ему показалось, что со всех сторон на него обращены взгляды рабочих. Сегодня утром в местной газете, за звучной подписью „Гремучий“, появилась Федина первая заметка „Долой пьянку“. В ней Федя бичевал пристрастие рабочих к пиву и указывал на столовую, как на место, где происходит узаконенная пьянка.

И теперь Феде казалось, что все узнали в нем рабкора, автора заметки, и вот-вот сейчас раздастся:

— Садитесь, тов. Гремучий! И здорово-же вы их продернули. Молодцом! Но в толчее обеденного перерыва никто Тузикова не замечал.

На столах деловито стояли парами пивные бутылки. Люди бегали от кухонного окошка к буфетной стойке и, нагруженные кушаньем, выбирали свободные места. Было жарко и шумно.

Тузиков получил борщ и присел к столу слесаря Мухина, постоянного по-

требителя пива. Перед ним этот раз не было даже кружки. — Газетку сегодня читал? — спросил Федя.

— Нет еще, — отвечал Мухин.

Федя лукаво подмигнул Мухину, как будто хотел сказать:

— Не проведешь, брат, зная, что читал. Вот она, сильная печать!

Мухин ел и вздыхал.

— Статейка там про столовую, про пиво — какого-то Гремучего. Упражняется, значит, — продолжал Федя.

— Многовато, мол, за перерыв дерут?

— Не про то. А что мнений дуют.

— Неужто? Жарко в помещении, вот и пить хочется.

Федя сам чувствовал, что пот катится по спине горючего. Пива хотелось до смерти. Автору заметки „Долой пьянку“ о нем и думать нельзя было.

А Мухин вздыхал.

— Чего-ж ты сегодня пива не берешь? — спросил его Федя.

— Не хочется чего-то — равнодушно отвечал Мухин.

— Небось, начитался статейки, так и неудобно. Сиди, найся, браток, чего уж там.

— А ты почему без пива?

— Зарок дал. Решил не пить. баста. На синий костюм собираю.

За вторым блюдом Феде стало многовато. Слесарь давно с'ел жаркое, из-за стола не подымался.

— Нет-ли у тебя талона на одну бутылку, — сказал он, наконец, Феде. — Мы все вышли, а новых буфетчик не дает — задолженность у меня большая.

— Так вот почему ты сидишь без пива, — обрадовался Федя. — Вот талон возьми две бутылки, а то гудок скоро.

Федя распил с Мухиным пиво, вставая, с радостью подумал:

— Как хорошо, что заметку подписал Гремучий, а не Тузиков!

Владимир Симушенко.

БЫТОВОЕ.

— Вон идет наш кассир.

— В синем пальто?

— Нет, другой, что положил сейчас руку в карман.

— В чей?

„Культработники“.

Главной причиной пьянства среди пролетариата является слабая постановка культработы на местах.

С этим невзрачным человеком, на маловыразительном лице которого застыли скорбь и печаль, я познакомился в вагоне поезда. Мы разговорились о пьянстве среди рабочих.

— Вот, где пьют, так это у нас, на фабрике!—сказал он с горькой усмешкой.—Иной день месячный заработок пропить умудрится.

— Что же вы не боретесь с этим злом?—спросил я.

— Мы? Не боремся?! Да мы, можно сказать, все меры перепробовали и ничего не помогло. Одно время штрафовать даже начали, но только еще больше запили. „С горя—говорят—и пьем, что оштрафовали.“

Тут и посоветуй мне один товарищ из центра: „они в пьянство втягиваются, а вы в культработу втяните. Здорово помогает“.

— „Есть такое дело!“—говорю.

А надо вам сказать, что культработа у нас что называется, на „яты“ поставлена. Культработники—первосортные, а уж о себе, о руководителе,—из скромности молчу.

Устроили мы для начала лекцию на тему: „Значение жизни“. Народу набилось—не толкнешься. И лектор образованный пошел. Сажу и умиляюсь. Ничего, правда, не понимаю, но чувствую, что все слова серьезные. И когда—говорит—конгломерат эмансипированных личностей“...

Только у наших такой „конгломерат“ в голове скоро образуется, что в ближайших пивных точно потребовали с завода дополнительную партию пива...

Видим: до лекции не доросли. Устроили киносеанс. Поставили „Терзанное сердце“. „Трюковую“ сделали, да забраковали: драка слишком, соблазну много. Картина содержательная попалась: ее любит, а она—наоборот, и смеется с другим. А после бросятся в речку, а муж ходит к ней на могилку и плачет. Аж я провалился.

— А публика, конечно, по пиву разошлась?—высказал я догадку.

— Верно. Откуда вы узнали?—спросил мой собеседник.

— Мы не сдались. Надо же, думать, эту гдизу пьянства ликвидировать. Поставили мы „Ревизора“ собственными силами. Ну, и, конечно, никто ни в зуб ногой. Да оно и ни к чему при таком суфлере, как у нас: на галерке слышно. До третьего действия все шло ничего. А в третьем действии—как вы знаете—пьянка не городничего. И вот сорвали спектакль, свои же культручники убили. Закричали все, как один: „Почему не вдохновишься, подавай пива и русской горькой!“

Пришлось в конце концов податься. Кончилось тем, что перепились и скандал устроили, а публика—в пивные...

— Да, наших в культработу не втянешь,—тяжело вздохнул он, закончив рассказ.

— От таких культработников не то что записать,—обалдеть можно!—отозвался я. Вы бы еще их танцами просвещать начали.

— Танцами?! радостно подскочил он. Батюшки! Да ведь это идея! Спасибо, голубчик! Завтра же начнем.

Я с изумлением уставился на его ожившее лицо и, убедившись, что он не шутит, сердито сплюнул и отвернулся в сторону. Барсов.

Без точных инструкций.

— Товарищ милиционер! Задержите этого гражданина: он мне в ухо с'ездил.

— А на какой почве он вас ударил—не установили?

— Чорт его знает! Судя по погоде—на грязной.

— Тогда не могу—пока не опросите его. Потому: ежели на почве хулиганства, то я обязан задержать, а ежели по ссоре или там на романтической подкладке, так обращайтесь в Нарсуд.

„Заготовители“.

— Дождь, грязь, мокрота, а в Резинотресте—ни одной пары галош! Почему?

— Потому что сам Резинотрест сел в галошу с заготовительной кампанией.

На окраине за налрасчет.

СВЕРХБУХГАЛТЕРИЯ.

В Екатеринославе, на одном из заводов оплачено 1½ миллиона сверхурочных часов.

(„Пролетарий“)

ИНСПЕКТОР РКИ:— Что это за ведомость?

ГЛАВБУХ:— А это ведомость за 6 дней сверх-сверхурочных по выписке ведомостей на сверхурочные.

На свой аршин.

У пограничного столба встретились поляк и хохол.

— Сказывают, что ваша власть лицом к селу повернулась. Правда?—спросил участливо поляк.

Хохол удовлетворенно крикнул.

— Правда, брат. У нас, брат...

— И во все дырки заглядывает. Правда?

— Истинная, пан, правда.

— Чего же ты дуешься, дуралей?

— А что?

— Ды-к ведь вернулась власть?

— Повернулась?

— Ды-к ведь все дырки заглядывает?

— Заглядывает?

— И ты разве ешь ся?

— Радуюсь.

— Плохо, брат?

— Если так. Прощай, твоя голова.

Как был рабочим, так и останешься рабочим и останешься.

Прощай.

— Погоди...

слово сказать.

— Ну?

— Объяснюсь.

— После. Давай.

меня. Одежду какую надобно.

рыть. А то забери.

— У нас в манер в.

тоже лицом к селу.

Только мы, брат.

радуемся, н-еет.

тому, что кровь не рабская, а хохлов. Понял?

А-а-а.

ЕСЛИ — БЫ

— Залетает этак.

мне вчера финиш.

тор, да как облом.

— Матом?

— Е-е-е! Ужасно.

нительно облом.

анафема.

Товарищи Гаврилкоры!!

Шлите материал из профессиональной и рабочей жизни.

Пишите покороче!

Давайте самую суть!

А я уж понатужусь

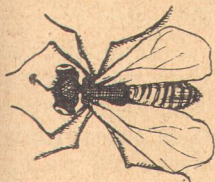
и разделаю под орех.

ГАВРИЛО.

МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

Плохой пример.

По имеющимся у нас сведениям с наступлением холодов все мухи перемерли. Не писать их. Тем не менее, мы изобразили муху. По памяти.

Впрочем, это не обыкновенная муха, а особенная. Эта муха, на которой был в ночь под 10 октября главбух Горловского завода Сергеев, при температуре 36 с половиной градусов (36 с половиной своих и 40 госпир-ских). „Вооружившись электрическим фонариком, он отправился на вокзал, где начал приходить к женщинам, освещая фонариком лицо каждой и пред-вещая излить налившие чувства... определенную плату!... Не станем говорить о дальней-шем... Неудобно как то... Чего случается с человеком, у которого температура вышла далеко за пределы нормаль-ного? Не в этом дело. Дело в том, что „на этом же заводе бы-вают случаи, когда рабочие за-мечают вылетают с завода. А главбух ничего, служит“. То, что служит—это еще полбеды. Но он, может, служит плохим примером для других. Нет уж, лучше пусть не служит... По-вести надо.

Отчитался.

Еще об одном бухе. Как отчитывался за операционный 1924-5 год на цеховом собрании бухгалтер 1-й госфаянсовой ф-ки Будах, т. Железов. Начал он так: „Товарищи, вы сами знаете, проходила работа. Брали перо, обмакивали в чернила. Писали и считали... Словом, т. т., зада-

йте вопросы, а я буду отве-чать... Вот так отчет. Видно, твердость одолела буха. Не жалеет он отчитываться пол-ностью перед рабочими. Важ-ная птица. Долго мы думали, что бы такое изобразить на нашем рисунке? Решили перо, которым, должно быть, состав-лял Железов отчетность—изо-бразить. Заодно можно ему и вставить это перо. Потому что птица он и птица, а без перьев.

Любовь к монашкам.

Видели ли вы, читатель, че-ловеческое сердце? Вот, оно изображено здесь. Оно по на-стоящему не совсем уж так должно выглядеть, но так его когда то изображали на облож-ках письмовников, в которых любвеобильные писаря и про-винциальные телеграфисты черпали материал для писем к „предмету страсти нежной“. Изображенное на рисунке кол-лективное сердце принадлежит киевским ЦРК, Ларьку, Петровскому рабкоопу и отделению Текстиль-синдиката. И монашки сумели покорить это сердце. „Несмотря

на то, что в Киеве есть мастер-ская Комборбеа, где рабочие (из безработных) выделывают одеяла, упомянутые выше учреждения сдают заказы на одеяла монашкам. Не любовь ли это?“. Определен-но—любовь. Но за такую лю-бовь к монашкам следовало бы послать к монахам...

Искупаемое.

На рисунке изображен че-реп...живущего еще человека. Если мы и предостыдили со-бытия, все же наша пылкая фантазия говорит нам, что та-ким будет ког-да-нибудь вы-глядеть череп

управляющего госмеханиче-ским заводом при ст. Горловка, тов. Левинского, выработавшего в составе с производственной организа-цией следующий квартирный план: „Рабочие низших разрядов выселить из заводских квартир в поселки Шкотовское и Новобаз-муктово, а их квартиры отремон-тировать и предоставить рабочим высокой квалификации, поступив-шим и поступающим. Хорошо еще, что поселки оказались. А то, раз ты низкой квалифи-кации, то и живи на улице, а в квартире имеют право жить только высококвалифицирован-ные... Словом, голова с мозга-ми! Впрочем, много ли мозгов может вместиться в такой че-репной коробке? В папиросную коробку и то больше влезет.

Жизнь безкульт-просветная.

— Где это такая жизнь на-блюдается?—спросит читатель. Да в клубе рудника „Парком-муна“ (Довбассе). „Большой клуб, вместительный. И так как высокая материя требует высокого стиля, то в высоком и про-сторном помещении правление клуба и работенку высокую проводит... картами развлекается“. Как ви-дите, вместо того, чтобы культ-работа углублялась, правление углубляется... в карты. „Кружки существуют только на бумаге“. Вот мы и изобразили кружок на бумаге. Что такой кружок может дать? Ровным счетом—ничего. Хотели мы также и правление изобразить да ре-шили, что бумага не выдер-жит. Нестоющее это дело, как и указанное правление.

Горячий главврач.

Хоть дело это происходило еще в августе, но по погово-ре «лучше позже, чем никогда», мы решили написать о нем. Заболел 19-го августа рабочий

П. аппенди-цитом. Доб-рался кое-как до 5-й поликлиники (Харьков). Было 11 ч. утра и за-пись на пер-вую оче-редь окончилась. Но дадим са-мому П. высказаться. „Не имея сил ожидать, вошел в кабинет главврача, Гла-вч набросился на меня и стал т-ть из кабинета, предложив идти на прием в оче-редь и даже пр-розил позвать милицию. Я все же настоял, что-бы измерили мне температуру. И лишь, узнав, что у меня 40—главрач разрешил мне внеочере-дный прием. А принявший, меня доктор Гинзбург даже удивился, как я мог ходить с такой темпе-ратурой!“. Воображаем, какая же температура у главврача! Поэтому мы и предлагаем ему для охлаждения стакан с жид-костью. Для лиц, не знающих латыни, поясняем: стакан воды. А если главврачу стакана мало, можем и ведро предложить. Нам не жалко. Уж очень помо-гает гидропатия в таких слу-чаях.

Вынужденная уступка.

Макдональду произведена ампутация двух пальцев на правой руке.

(Из газет).

— Как вы будете теперь креститься, сын мой?

— Левою рукой, отец. Хоть в этом направлении полевою.

„КЛИФТ“.

Дом наш—общезитие, он же—рабочая коммуна с удобством, а также с лефитрискацией. Газы в доме нашем под кухни пушоны. Крути только верти и жарь в свое удовольствие картошку на сковородке.

Опять же—зимнее отопление во всем дому—трубой коленчатой и при ближайшем посредстве тепловых паров.

Одним словом—мир с хижинами и война во дворцах, и да здравствует рабочая коммуна в смысле всей шестизатжности.

От первого до шестого этажа, а также под самые чердаки, как известно, лестница восходит—ступенькой и по той ступеньке местные общезитители до своего помещения пешком ступали, пока пражение, идя навстречу мирным завоева-

ниям Октября, та же исходя из европейской моды американизма, поставило установить регулярное и беспередачное движение подъемной машины с заграничной фирмы „Клифт“.

Таковой „Клифт“ еще до переформатов был учрежденный, но состоявший в положении разрушения пока не подождал ему исправление назначением поспать и обратившись спускаться.

И общезитители к тому удобству сразу прибегли, а которые на досуге, то в дружбе катаются с поднимателем вверх вниз.

И не хватало рез-то для нуждающихся вакансии, стали вниз в смысле экономии ног и таряли через то время, каковое—деньги.

Тогда же правление, по случаю медленного хозрасчета, назначило

емную таксу—пятачок, и тут народ прерыватель сразу сбавился, потому, хотя пятак не деньги, но пятак тоже деньги. Опять же—кто пятачком располагает, тому тоже выходит трата вмени для поджидания комплекту-пасса-лиров, потому пятак за подъем не хозрасчет, а таковых общезитителей, каковые пятачки для „Клифта“ щедрились, то прочие, которые беспятачные, говорили с обидой:

— Им, непманам все дозволено. Какая ихняя копейка!

И „непманы“, которых по ошибке так названо, то на это со скандалом возражали:

— Мы не есть непманы, но по случаю нашей же специальной квасификации, то наше время—деньги, пятачки же не суть деньги.

И вообще довольно даже стилизовать разводить общие предрассудки!

С теми предрассудками вышли даже телесные соприкосновения в смысле „по морде“ и с крепким выражением вплоть до нарсуда.

И когда однажды „Клифт“ промежду тажами стал и очень даже бесповоротно, наши общежителы на это вздохнули полным облегчением, говоря:

— Пусть уже её—европейскую моду американизмами! Ну её... Мы—русские люди и не возражаем по старой памяти, ежели пешедралом...

Л. Митницкий.

СКРОМНОСТЬ.

— Как вы думаете, почему при отъезде сумынского короля в Яссы, запрещено было выходить на улицу?

— Очень просто: короли не любят, когда их снимают.

ЭС-ЧЕ.

Детский спорт.

По инициативе врачей Охматдета предполагается ввести физкультурные упражнения для детей грудного возраста.

■ (Веч. Радио 24/х).

ИНСТРУКТОР:—Двухпудовками—для вас слишком много, дети, попробуйте пока упражняться сосками.

ГЛАЗ НА ДОНБАСС.

ОБ ОДНИХ ОЧАХ.

Рудоуправление Рутченковского, р-ка приобрело 281 вагонетку, которые оказались шире узкоколейных путей. Принимал вагонетки некто Рожков. Куда глядели его очи, знает он сам.

Д. Т.

Знайте, дети!

Есть на свете

Очень много чудиков.

Смотрят в книгу—

Видят фигу...

Но таков ли сей Рожков?

Вагонетки,

Видно—редки.

Может, парень обалдел,

Иль без скуки,

В чьи то руки

Слишком пристально глядел?

УШИБЛЕННЫЙ...

На Славянском содовом заводе „Красный химик“ рабочий т. Голубь переходя по балке из амбара в амбар, полетел вниз и получил тяжелые ушибы. Вести его в больницу не на чем было, т. к. завкопюшней не распорядился давать лошадей при несчастных случаях.

Д. Т.

Елки—палки!

Взлез на балки,

Равновесие держи!

Коль ошибся

Вмиг—расшибся,

И с ушибами лежи...

Стыдно-ль заву?

Тут по праву

Спросит Голубь, стон издав.

Нет, не стыдно:

В детстве, видно,

Мамкой был ушиблен зав.

КАЙЛО.

„Физический недостаток“.

Про завдома нашего, Рагозина Павла, рассказать хочу.

Он так с внешней наружности человек нормальный во всех смыслах—не видать в нем никаких подозрительных признаков... Функции все завдомские, как следует исполняет: и квартплату даже до срока собирает, и за воду по счету аккуратно требует,—ему безразлично, идет вода или не идет, а ему за нее давай... Тоже и по мусорной линии наблюдение имеет, чтоб не на-капливался... И по части канализации старается, чтоб она в порядке действовала... Касательно парадных ходов—в непримиримой борьбе он

всегда с домашними животными: собаками, свиньями и тому подобными существами, что стеницы пачкают... Против них даже в газете дворовой статью в подъезде вывесил, гигиену соблюдали...

Одним словом, человек стоит на высоте общественной и служебной вполне...

Но единственно, что в нем отрицательно можно обнаружить—это физическое его зрение... С природного, должно, рождения глаза в нем устроены, что он ими плохо видит. И от этого у него неприятные неудачи быва- в которых его совершенно невинно обвиняют.

Так, иной раз случится, в мусорном ящике гора мусора через край лежит, а он на нее реагирует... Тоже и канализация перестает функционировать,—а он без вины, совсем не замечает этого...

На его глазах, перед самым носом, на лестнице косяк, а он свои нужды отправляет—прошел мимо,—как будто его это забота...

Правда, если ему кто скажет, наглядно его убедить не сможет—он вмиг меры принимает... Но чтоб сам заметил—так нет... Глаза раскрыты, а не видит он ими ни хрена. Как курица, все одно... Когда слышишь, что на него нападки от жильцов, обвинения и претензии сыплются—обидно за него делается в душе. Мол, чем он виноват, ежели не видит человек!.. Природа в нем такая... Физический недостаток, и край... Что от него требовать, ежели твоя судьба виновата?

А на днях совсем обидно зорили несчастного этого человека... Общее собрание жильцов ревизию ему в кассе делали... Три человека их было в комиссии и все три его одного... Сначала ему отчеты стали читать, насчет крыши, что протекает, насчет буравков, что дымят, насчет погребов, что проваливаются...

— Как, говорят они, допускаете такие беспорядки во вверенном вам доме? Смотреть надо за всем,—говорят.

Он, бледный, слушает, что за польза с того, что смотреть будет, раз он не видит... Физический же это дефектный недостаток...

Потом за денежные суммы взялись... Документы

НАГРУЗКА.

Могилев-Подольский союз Нарпит, из за отсутствия средств для найма курьеров, постановил:—„В виду того, что в союзе нет курьеров—установить дежурство союзного актива.“

(Из газет).

— И не стыдно вам, т. председатель, у трудящегося хлеб отбивать!.....

рали, книги расходные, корешки квитанционные... Сидит комиссия, счетами бьет туда...

— Куды деньги делись?.. Вот приход 300, расход 200... покажи, где остальные 100?.. Сидит наш Рагозин, смотрит, молчит... Глухой, все одно, сделался...

— Куды же, спрашивают, 100 рублей пошел? А!

— Незнаю, грит, куды... Не видел, куды делись...

— Как же, спрашивают, не видел?.. На что, морят, глаза у вас?..

Короче говоря, не мог Рагозин объяснить этого... Исчезли неизвестно каким путем 100... И куда исчезли—не видно...

Увольнили Рагозина... И в прокуратуру написали... И, может, судить будут Рагозина... А за что—не знаю... Выходит, что за физический его недостаток... За зрение свое объектное пострадает он... Что не видел человек, куда 100 рублей делись,—так его в этом обвиняют...

А вот я не видал, что у его жены новое зрение... Все, говорят, видали... А я не видел... так что?.. Может, и у меня физический недостаток зрения... Так я за это ответственный должен быть? Смешно даже...

Я. М. Польский.

Кооперация под углом в 40°.

(Рисунок к статье... Уг. Кодекса).

В с. Даниловке (Харьк. окр.) правления обоих кооперативов ежедневно пьянствуют.

(Из газет).

Председатель ввалился в лавку, громко икнул и мутными, осовелыми глазами обвел вокруг.

— Что за чорт... — еле ворочая языком, пробормотал он. — По... почему я вижу оживления кооперативной работы!... боты? Где кассир и пр... ик!... чик!...? Почему такое?

С прилавка поднялся заспанный сторож и зевая произнес:

— Кассир за самогоном ушедши, а приказчик по надобности отлучился: спит, сволочь.

— А тебе чего, пиголица? — обратился вдруг председатель к стоявшей у двери старушенке. — Кооперацию хочешь поддержать? Вали, дело хорошее.

— Мне бы соли фунтик, — прошамкала старуха, — почитай, второй час жду.

— Что ж делать, милая? — вздохнул председатель. — Господь терпел и нам... фу! все забываю, что опиум. Ну, ладно... Так соли, говоришь?

— Соли, роденький, соли.

— Это можно. Отпуск товаров, брат, у меня — во! чик и готово. Гаврила, щучий сын!!! Ах, за самогоном ушел, стервец... Ну и порядки: не мог председателя обождать, чтоб вместе... Прямо, развал ко... кооперации... Так соли, значит? А, может, сахару возьмешь? Оно слаще. Не хочешь? Ну и чорт с тобой! Велика паца... Подумаешь! Вот возьму вывернусь здесь на прилавке и буду в гору плевать, потому кооперация, это тебе... не баран начихал... Так-то. „Ой у лузі, та ще при дорозі-і!!!“.

Старуха плюнула и вышла из лавки.

Председатель икнул и начал шарить по полкам.

— Весь одеколон вылакали, сволочи! Хучь бы на глоток оставили. Парррядки...

В дверях показался секретарь и член правления, в кармане у каждого торчало по бутылке.

— Здорово, Иван Максимович! — заорали вышедшие. — Да ты, кажись, уже готов?

— Всегда готов! — заржал председатель. Давай подкрепимся, пить, как собаке, хочется.

— Погоди малость — ответил секретарь. Сейчас ревизионная комиссия нагрянет: у ей закуска и пробочник. Да вот и она!

— Правильно!!! — одобрил председатель. — Гаврило! Запри двери, а ежели какая сволочь подойдет, скажи — перучет, мол, товаров.

Ну, ребята, становись лицом к бутылке, налаживай кооперацию спереди и сзади! Урра!!!

Наладили ли эти господа кооперацию, — мы не знаем, но что их „наладят“ из кооперации, в этом не может быть сомнения.

Не правда-ли, Райсоюз?

Сергей Чмелев.

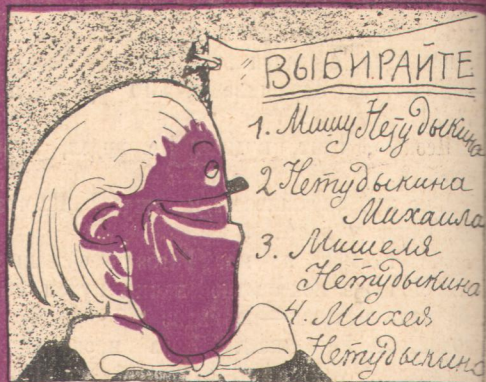

Миша Нетудыкин выставлет свою кандидатуру в завком.

Рис. Самума.

(Сон и действительность).

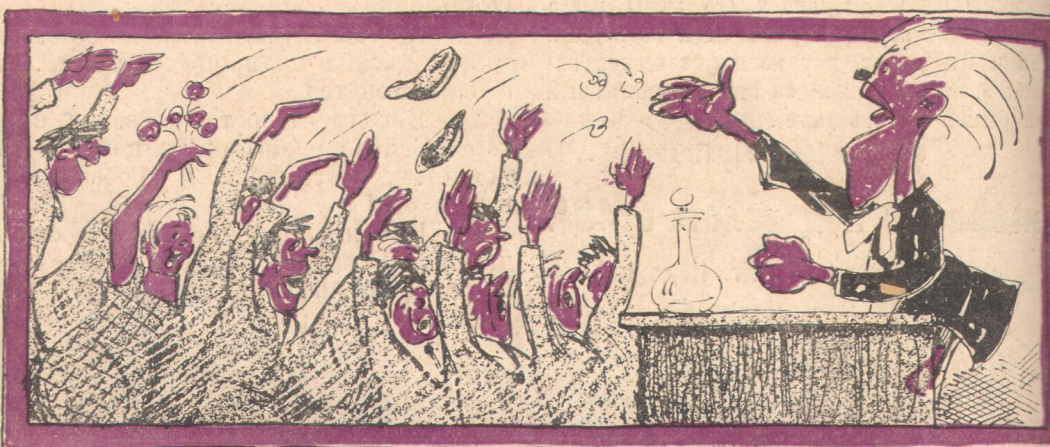
Текст Туза.

Миша плюхнулся в кровать
И за чтением газеты,
Сладким отдыхом согретый,
Начал вечер коротать.

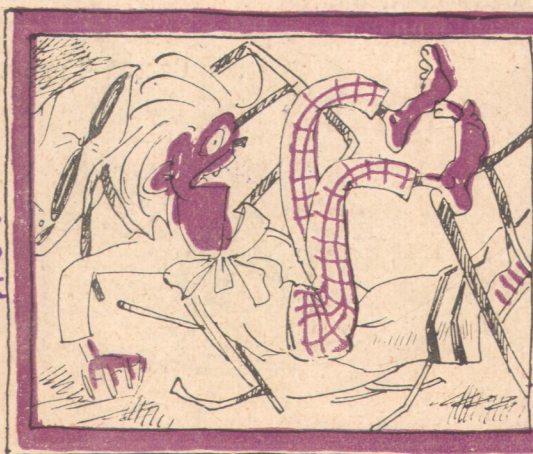
Взор в газету он уткнул.
Смотрит: „Выборы завкома“.
— Вот бы мне!.. В груди истома..
Размечтался и... уснул...

Мише снится сладкий сон:
Без ошибок и описок,
Им составлен дельный список,—
В этом списке—только он.

Зал. Одна из теплых встреч.
Мишу любят, Миша нужен..
И, растроган и сконфужен,
Держит он большую речь.

Шум. Цветы. Оваций гром.
Крики: браво! Дело ясно:
Через миг единогласно
Будет выбран он в завком.

Сердце, радостью греми!
Вдруг — ужасный треск нестати.
Миша брякнулся с кровати:
— „Провалился, чорт возьми!“

Тут интриги, что скрывать, —
Мыслит Миша. — Дело скверно!
Был бы выбран я наверно,
Если б только... не кровать“...